Людмила Гурченко репетирует для Федерико Феллини

Комс. правда - 1993 - 15 апр.

КТО СКАЗАЛ, что она уехала?

Кто сказал, что она может уехать?

Кто сказал, что возможно уехать от счастья — от трагедий и радостей, взлетов и падений, славы и провалов, смертей и возрождений,—кто сказал, что можно уехать от настоящей жизни?

Если вас пропустят на «Мосфильм», то в старом тонателье на первом этаже вы увидите, как она умирает. В этом самом апреле.

Нет, сначала-то вы ничего страшного не почувствуете, вы спрячетесь в уголке и наверняка замрете, забудете спросить, что за фильм, о чем, кто режиссер, кого она играет, вы забудете даже себя, услышав ее, увидев ее сразу перед двумя камерами, и уж потом, когда прозвучит режиссерское: «Стоп!», вы увидите, что она умирает.

Сначала ее будет колотить дрожь, потом она начнет всхлипывать, потом — рыдать, но от истерики ее спасет бородатый человек, обвешанный фотокамерами и сидевший прежде в уголке — как и вы. Это ее друг, фотохудожник. Он приходит сюда каждый день, уже целый месяц не столько для того, чтобы снимать — чтобы видеть все это.

А снимается фильм с гениальным сценарием: «Послушай, Феллини!» Сюжет его в том, что вышедшей в тираж актрисе знакомые говорят о том, что вот приехал, мол, на кинофестиваль в Москву великий Феллини и есть возможность передать его секретарю видеокассету с пробами русской актрисы, которую он ищет для своего фильма. Попробуй, мол, чем черт не шутит, изобрази, что можешь.

Она изображает, что может. Приходит, как на работу, переодевается за ширмой, подкрашивается, глотает для храбрости коньячку из фляжечки и предстает пред великим ликом:

«Ну че, Феллини, хреново там у вас? Мафия... А давайка, приезжай к нам, в самом деле...».

Это—начало. А потом!.. Она поет и пляшет, плачет и смеется, играет свои прежние роли и в итоге рассказывает обо всей своей жизни. Она знает, что может очень многое, и страдает от того, что это никому не нужно.

Великая актриса играет великую актрису.

Изобразить, что можешь, перед Феллини!! Более гениального сценария для актера быть не может. Людмиле Марковне страшно повезло. Нет, не повезло — такой сценарий должен был появиться именно в ее житие, именно для нее, хотя и хватает у нее славы, дело не в этом. А в том, что никогда, ни в одной практически роли большой актер реализоваться полностью не может. Даже в роли Иисуса Христа. Потому что — есть Иуда.

Только здесь можно быть и Христом, и Иудой одновременно. И с такой точки зрения это — страшный сценарий. Для актера — смертельный.

Вот почему Людмила Гурченко умирает после каждой съемки.

А вовсе не потому, что ее взгляды не совпадают со взглядами режиссера, они и не могут совпасть.

Сценарист, режиссер, актер — каждый из них говорил бы с Феллини по-своему. Он написал сценарий, выстроил весь фильм в голове, пригласил актрису — озвучить! Озвучить!!

И вдруг приходит Гурченко, которой есть что сказать Феллини самой, без всяких посредников, а ей не дают, и вот — утро, встречаются режиссер и актриса, и вместо съемки — разговор часа на полтора, и вся съемочная группа молчит, понимает — консенсус ищут, а потом, вдруг, объявляется перерыв на два часа, и опять же все понимают, что переговоры эти удачно не завершились: она в полуистерике — в своем закутке, а он — в своем.

Мотор. Хлопушка. Начали. Играет. «Стоп!» «Я не понимаю, что вы от меня хотите?» — «А я не понимаю, чего хотите вы, объясните, пожалуйста».

Еще перерыв. Опять съемка. А съемка такая жестокая — двести тридцать метров пленки единым планом, куском, из которого ничего нельзя ни вырезать, ни смонтировать — в брак? Или — в вечность? Она говорит: в вечность, он говорит—в брак. Она говорит — в брак, он говорит — в вечность. И это — творчество.

Вот почему она умирает.

А он?..

Этот фильм нужно будет посмотреть обязательно, даже если о нем напишут исследования. Поэтому я ничуть не повредю авторам, если расскажу конец: все «смерти» героини Людмилы Гурченко смотрит в итоге не Феллини, а российский строитель в африканской глубинке. И гости, расходясь от «видика», ему выговаривают:

— Да все они, артисты, алкаши. И эта тоже. Где ты взял эту кассету?

И владелец феллиниевской кассеты ответствует, что, когда работал таксистом, какой-то поддатый итальяшка оставил эту кассету вместе с зонтиком по дороге в Шереметьево.

Он говорит, оправдываясь: да, действительно, напивается девка вусмерть, даже раздевается в конце перед якобы великим режиссером — что делать: пьют на Руси, все пьют. И мы здесь, в Африке, пьем, разве не так?..

Но правда не в этом. Правда в последних кадрах уникальной кассеты, до которых «африканская» публика не досидела: «пьяная вусмерть» актриса вдруг достает пустую уже фляжку коньяка и говорит Федерико:

— Чай. Индийский. Де-фицит.

Выпуск подготовили Юрий ГЕЙКО и Игорь ГНЕВАШЕВ.

Наша справка: «Послушай, Феллини!..», сценарий М. Швейцера и С. Милькиной по мотивам пьесы Е. Козловского «Видео». Постановка М. Швейцера и С. Милькиной.